

1

Мило, мило... но не более. На школьницу смахивает, хотя школьницы сейчас... хм! Черные глазки она округлила, брови удивленно приподняла:

— Вам кого?

— Вас, — расплылась Камилла в белозубой улыбке, как на плакате, рекламирующем зубную пасту. — Вы же Алисия Рогозина?

Та кивнула, притом была удивлена вдвое, потому что белокурую незнакомку с волосами до лопаток, высокую, эффектную, по современным меркам просто супер, видела впервые. Естественно, Алисию заинтриговало, кто она и зачем пришла, откуда знает ее? Ведь нечто лукавое, таинственное и в то же время решительное лилось из расширенных глаз незнакомки, разжигая любопытство, наверное, поэтому Алисия доверчиво раскрыла пошире дверь и немного отступила, приглашая блондинку в квартиру.

Камилла вошла, тщательно вытерла туфли о коврик, кинула оценивающий взгляд на потолок прихожей, стены, мебель, будто собралась купить квартиру вместе с начинкой и выискивала недостатки, чтобы сбросить цену, и сказала:

— На улице сухо, можно, не буду снимать туфли? Я ненадолго.

Алисия не успела ответить ни да, ни нет, а гостья прошла в первую комнату, там осмотрелась, странно выразив то ли восхищение, то ли осуждение:

— Вот это наворовал твой муж!

У хозяйки только рот открылся, но не все способны сразу поставить на место беспардонных людей, а что касается Алисии, так она вообще не умела разговаривать с хамами и не нашла ничего лучше, как предложить после шоковой паузы:

— С-садитесь... — А гостья до приглашения плюхнулась в кресло, закинула ногу на ногу, руки положила на подлокотники и продолжала осматривать достопримечательности квартиры. — Может, чаю? Или... — предложила Алисия.

— Нет-нет, не хочу, — отказалась Камилла, следом с наглым задором сказала: — Да ты сядь, чего стоишь?

Хозяйка явно чувствовала себя не в своей тарелке в отличие от гостьи; она присела на край дивана, точь-в-точь как провинциальная барышня из семейства потомственных интеллигентов. С полминуты Камилла бесцеремонно разглядывала ее, наклоня голову то влево, то вправо, в общем, тоже оценивала, как лошадь на аукционе. Довольно скоро она пришла к выводу, что этой бледной скромности крупно повезло, тем временем Алисия смущенно поинтересовалась:

— Простите, как вас зовут?

Про себя гостья отметила деликатность хозяйки, другая на ее месте незамедлительно выставила бы нахалку вон, но Камилла людей различает с первого взгляда, нюхом чует, буд-

то собака-ищейка, соответственно возникшему представлению избирает манеру поведения. Да вот незадача — внезапно ее прихватила нерешительность, именно прихватила, так как это состояние длилось недолго. И все почему? Перед ней, в сущности, стояло тощенькое дитя, Алисия вся такая узенькая, как велосипед, вся такая чистенькая и невинная (это замужняя женщина-то), да ей при всем желании не дашь тридцати трех лет! Сидит, спинку выпрямила, загнутыми ресницами без туши хлоп-хлоп, даже не подозревает, какую бомбу приготовила Камилла.

— Меня зовут Елена, — наконец изрекла на протяжном, сочувственном вздохе гостья. — Тебе твой муж не говорил, чтобы не пускала незнакомых людей в квартиру?

Кто ее стукнул по голове, чего вздумалось нравочения читать? Неужели эхо педагогического института аукнулось? Пока Камилла задавала себе вопросы, на которые сама не смогла бы ответить, Алисия спокойно, без страха, а ведь должна была бы после слов гостья затрепетать, заподозрив злой умысел, сказала:

— Я поняла, что вы меня знаете, хотя не помню вас. Если вы намекаете, что мне следует бояться, то бойтесь сами, вас из-под земли достанут, если...

— У меня нет намерения причинять тебе вред, — прыснула Камилла, давая понять Алисии, что она глупый маленький мышонок. — Физический вред. Я человек жутко мирный.

— Нельзя ли ясней? Зачем вы пришли?

А Алисия не по-детски строга, при всем при том Камилла не заметила даже мизер-

ного намека на раздражение, напротив, хозяйка квартиры излучала дружелюбие. И навскидку не глупа, в ней угадывался стержень достоинства, которое — удивительное дело — низводило Камиллу до ничтожества, а эту поганку возвышало до высоконравственного эталона. Нет, правда, Камилла чувствовала себя рядом с ней маленько недоразвитой — вот анекдот! Ну что ж, сейчас выяснится, кто есть кто. Камилла подалась к хозяйке, переплела пальцы рук, говорят, это замок, не позволяющий чужой энергии проникнуть в твое энергетическое поле и навредить здоровью. Настала пора кинуть бомбу.

— Я сплю с твоим мужем. Уже год как сплю.

Девочка Алисия перестала моргать, но и только! Она прекрасно владела собой, что не входило в планы Камиллы, эдак и с мужем будет деликатничать, но... Может, Алисия не совсем поняла, что значит «сплю»? Вдруг в этой семье отношения платонические, ведь сейчас шизанутых полным-полно. Пожалуйста, вот ей разъяснение:

— То есть он изменяет тебе со мной. Регулярно. — Кажется, опять не дошло! — То есть мы любовники.

Что после откровенного признания происходит с нормальными людьми? Их начинает трясти, ибо стабильная жизнь рушится в одночасье, оскорбление бьет по нервам, внезапный удар не контролируется, обиду невозможно скрыть — каждая же моль думает, что она тропическая бабочка. Но эта серость держалась с достоинством леди Ди, как будто не о ее муже шла речь.

— А что вы от меня хотите? — спросила

8 моль.

Камилла была поражена, однако взяла пример с Алисии и в духе светской беседы (без нажима, без ультиматума) разъяснила:

— Непонятно? Паша... э... Павел никак не решится объявить тебе, что хочет развестись, жалеет тебя. Кстати, вот тебе доказательства нашей... э... интимной близости. У него есть некоторые отметины на теле, тебе хорошо известные. Например, красноватое пятно под мышкой, а возле пупка три светлых, с неровными краями пятна, будто кожу в этих местах выбелили. На колене послеоперационный шрам, мениск вырезали. Любовник он потрясающий, ну, ты знаешь... умеет довести до оргазма, от меня он без ума... Ну, посмотри на себя и на него, вы же разные, я подхожу ему больше. Он меня любит... страстно любит. В общем, прояви инициативу. Зачем заставлять человека мучиться с тобой?

— Действительно, — пролепетала Алисия, опустив глаза. — Хорошо, я проявлю инициативу. Это все?

— Все, — развела руками Камилла, но данный жест в ее исполнении выражал сомнение, как будто она чего-то не договорила, не вдолбила этому чуду из чудес. Чудо вскинуло на нее глаза, которые выгоняли ее без слов. — Ах да, мне пора.

Алисия проводила ее к выходу, но Камиллу не устраивало спокойствие жены любовника, ну, не появилось гарантии скандала, и, будучи уже за порогом, она развернулась, вытянув руку:

— Вот кольцо, мне его Паша подарил как будущей жене. Узнаешь вкус своего мужа?..

— Узнаю, — перебила Алисия, даже не взглянув на кольцо, ей не терпелось хлоп-

нуть за гостевой дверь, та предоставила такую возможность, направившись к лифту.

Нажав на кнопку, Камилла во время спуска вниз облокотилась спиной о стену, запрокинув голову, она чувствовала себя обессиленной, такого с ней еще не бывало. Наверное, стареет, так ведь тридцать четыре... Эта цифра повергла ее в ужас. Камилла достала пудреницу, но в лифте было темновато, здесь глупо ждать достоверности. Выйдя из подъезда, она приостановилась, разглядывая себя в зеркальце, спустя пару секунд у нее отлегло от сердца: ни одной морщинки, кожа идеальна, красота не померкла, до старения далеко.

Но комфортно почувствовала она себя только в машине, где была защищена дорогим железом, хотя на нее никто не нападал, само собой, и бояться ей некого. В салоне, стащив с головы парик, Камилла расслабилась, устроившись полулежа, бросила молодому самцу за рулем:

— Поехали.

— Ну, как прошло признание?

— Эта моль — энергетический вампир, высосала из меня все соки. Поехали, у меня еще одна встреча сегодня, потом расскажу.

— Па, есть что-нибудь вкусненькое?

София, переступая порог, выскользнула из плаща и напрямик побежала на кухню. Усмехнувшись, Арсений Александрович захлопнул входную дверь, повесил на вешалку плащ, небрежно брошенный дочерью на стул, и последовал за ней — бедная голодная девочка изучала холодильник.

А ведь и правда, смотрится она в короткой юбке и обтягивающей водолазке, да с воло-

сами до талии студенткой второго курса, но никак не замужней тридцатитрехлетней женщиной. Но когда София появляется на экране в форме, чтобы рассказать о преступлениях в городе (она работает в пресс-службе УВД), волосы укладывает в строгую прическу, челку зачесывает набок, ее кукольное личико становится не по-детски ответственным.

— Ух ты, помидоры... — София достала трехлитровую банку с солеными томатами, поставила на стол, схватила ложку.

— Руки мыть! — прикрикнул отец.

Дочь убежала в ванную, вскоре прибежала назад, к этому времени Арсений Александрович, поставив сковороду на плиту, кидал туда куски курицы из кастрюли. София же, стоя, принялась поедать помидоры, ну, а отец, догадываясь, что она опять скоро унесется, не поговорив с ним, вздохнул:

— Может, присядешь, чадо?

— Угу, — плюхнулась она на стул. — Па, дай тарелку, а то сок течет...

— Ты откуда и куда?

— С работы домой. Там шаром покати, одни полуфабрикаты, а я последнее время на них смотреть не могу, решила нанести тебе максимальный ущерб. Па, можно не разогревать, у меня времени нет, скоро приедет журналистка интервью брать, надо успеть домой доехать.

— Да ну! Настало время нести бремя славы?

Облюбовав второй помидор, София пыталась ложкой выудить его из банки, а он не поддавался, одновременно она обиженно ворчала:

— Твоя ирония неуместна, ты же знаешь, к славе, которой, кстати, у меня нет, я отношусь равно.

— Хм. — В одном звуке отец выразил скепсис по поводу «ровного отношения». София, понимая его даже не с полуслова, а по выражению лица, поспешила уточнить:

— Ну, слава мне не помешала бы, но я не зациклена на ней. Журналистка неделю меня доставала, сказала, нам обеим это выгодно: ей — материал, мне — реклама. Кто ж откажется от бесплатного пиара?

— Дураков нет, — согласился он.

Поставив тарелку с птичкой перед дочерью, Арсений Александрович встал боком, чтобы и турку с кофе из поля зрения не выпускать ни на секунду, и дочь видеть краем глаза. Она, поедая помидоры с курицей, причмокивая и издавая сладострастные стоны, невольно вызвала у него улыбку. При всем при том его не устраивал внезапный налет, точнее, вечная спешка, София будто избегает серьезных разговоров, остается только воспользоваться отведенным временем.

— А скажи-ка, дорогая дочь, почему ты последние три месяца редко появляешься у своего отца? Заскакиваешь на пять минут, да и то чтобы в скоростном режиме проглотить котлету и убежать. У меня, как у любящего родителя, к тебе масса вопросов, особенно когда ты звонишь и просишь «прикрыть» тебя. К моей радости, твой Борька не звонит мне.

София нахмурила лобик, зеленоватые глаза стеснительно опустила, перестав жевать:

— Я знаю, о чем ты хочешь меня спросить... не надо.

Вовремя подошел кофе, иначе Арсений Александрович не удержался бы от вопросов, принудив Софию к исповеди (ему-то она вряд ли посмеет солгать), что, возможно, привело бы к осложнениям между ними, а кому они нужны? Несколько секунд паузы хватило на разумное решение не торопить события, он взял турку, разлил по чашкам кофе и сел напротив дочери. Она так и не подняла на него глаз, ага — стыдилась! Посему нехотя, чтобы замять неловкость дочери, он перевел разговор в другое русло:

— Как я вижу, тебе некогда навещать отца, но писать-то ты успеваешь? Твоя пресс-служба наверняка отнимает много времени.

— Конечно, папа, успеваю, — обрадовалась София теме не новой, но хотя бы более приятной.

— Слава богу, а то ты и за сюжетом не приезжаешь, это меня беспокоит.

— С сюжетом я определилась, когда ты подбросил классного персонажа — венгра, — оживленно залопотала София, доставая из банки еще один помидор. — Кстати, я привезла тебе половину, сегодня отпечатала. Вначале думала писать другой сюжет, но два романа подряд с покойниками — многовато. Взялась за другой. Мотив необычный, как мне кажется, хотя это и девятнадцатый век, но ведь мало что изменилось...

— Изменилось многое с тех пор, дорогая, — возразил отец, — люди стали другими.

— Поэтому времена бабушки Марго мне интересней. Наша сотрудница Инесса, она дознаватель, говорит, что мотив везде и всегда один — деньги, она не права, верно?

— Не права. Но мотив действительно один на всех: желание. А исполнение желаний — это обретенное счастье, выходит, мотив один у всего человечества — стремление к счастью. Проблема в том, что каждый отдельный индивид имеет собственное толкование этого чувства: для кого-то это чужой кошелек, для кого-то власть, а кто-то мечтает о всеобщем благе.

— Ой, папа, мотив преступления не выглядит так глобально, а мне хочется написать детектив с необычным... желанием, как ты выразился.

Не забывая про помидоры, она задумалась, вспоминая...

НАЧАЛО НОВОГО РОМАНА

У татап и рара по-светски чопорно выверены мимика, движения и жесты, о непринужденности не может быть и речи. Непоседливой и любознательной Марго с плутовскими зелеными глазами, которая не любила покой, трудно было держать себя в тисках светскости. Но она, дабы не злить татап и не получить порцию упреков, ровно два дня соответствовала идеалу, и то потому, что приехал брат Мишель с подполковником Суровым, иначе ее не заманили бы в родительский дом никакими коврижками. Когда же татап по просьбе рара сидела за роялем и технически безупречно исполняла вторую сонату Бетховена, Марго тихонько шепнула брату и Сурову:

— Завтра с утра едем кататься верхом, отобедаем у меня, а вечером нанесем визит одному знатному господину, он венгр, обещаю: там
14 скучно не будет.

— Марго... — протянул было Мишель, сморщив нос, это означало, что визиты не входили в его планы, но сестра была неумолима и категорична:

— Не спорь со мной, милый, я так решила.

— Да уж, коль ты решишь, тебя не переубедишь, — посетовал он.

— А для меня желание Маргариты Аристарховны закон, — сказал Суров.

— Благодарю вас, — Марго одарила подполковника улыбкой, но, заметив укоризненный взгляд отца, плутовка приложила палец к губам, будто вовсе не она вынудила шушукаться брата и гостя.

Суров перевел глаза на графиню за роялем, а потом внимание его сосредоточилось на Марго. Он не любил бывать в высшем свете в виду того, что не мог похвастать своим происхождением, о котором нередко расспрашивали. Но в обществе миниатюрной и прехорошенькой Марго с удивительно живым и притягательным лицом он чувствовал себя легко и свободно. С братом они были похожи: те же глаза зеленого цвета, те же густые каштановые волосы, удлиненный овал лица, но у Марго линии плавные, а у Мишеля резко очерчены. Он высок, рассудителен, сестра полная ему противоположность во всем — ураган, однако Суров полжизни отдал бы, чтобы оставшуюся половину провести с ней.

Во время прослушивания сонаты она косилась на Мишеля, из всех родственников Марго любила только его всей душой, остальным отдавала дань вежливости. У нее, двадцатишестилетней женщины, сложилось мнение, 15